

УДК 130.2

doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.12

5.7.8

Трансформация ольфакторной культуры

Алиса Сергеевна Загрядская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
zagryadska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8085-3887>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению эстетической роли запаха в европейской культуре и историческим трансформациям обоняния в обществе модерна. Отправной точкой является вопрос о причинах современного возвращения в парфюмерию «животных» ароматов, непопулярных в последние три столетия. Этот сюжет позволяет коснуться таких тем, как механизм изменения места чувственности в культуре, концепции снижения значимости запахов, связь обоняния с архаическим. Изменения сферы запахов трактуются через общий механизм ресимволизации чувственности, который связывается с перепрочтением актуальных пространственно-временных координат и переформатированием ландшафта реальности, где обитает человек. Архаика понимается автором как метафеномен сознания и чувственности, присущий первобытности и традиционным обществам и в виде иррациональных аспектов сохраняющийся в современной западной культуре. Обозначается, какие функции сообщались обонянию в традиционных культурах, как ольфакторное ранжировало социум и жизненную реальность. В архаическом обществе потребность в естественной ольфакции восполняется через бытовые и ритуальные практики, но в новоевропейском мире обоняние смещается на периферию. Прослеживаются ольфакторные сюжеты нескольких эпистем, с эпохи Возрождения до наших дней: место ароматов в культуре, революции сферы запахов, складывание обонятельных канонов. Обозначаются современные следствия исторических трансформаций обоняния, в том числе парфюмерный ренессанс анималистических нот, определяемый как возможность безопасных трансгрессий. Предлагается концепт ольфакторной выборочности в современной культуре, ориентированной на индивидуализацию и регулируемые настройки чувственных параметров.

Ключевые слова: ольфакторная эстетика, архаическая чувственность, трансформации чувственности, запахи, архаика, анималистические ароматы, телесность, гетерогенная и гомогенная культура

Для цитирования: Загрядская А. С. Трансформация ольфакторной культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 168–178. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.12.

Transformation of the Olfactory Culture

Alisa S. Zagryadskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
zagryadska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8085-3887>

Abstract. The article is devoted to the understanding of the aesthetic role of smell in the European culture and to the historical transformations of the sense of smell in the modern society. The point of departure is the question of the reasons for the modern return of “animal” scents to perfumery, which have been avoided for the last three centuries. This theme allows us to touch upon such topics as the mechanism of changes in sensuality in culture, the concept of reducing

the importance of smells, the connection of smell with the archaic. Changes in the olfactory sphere are interpreted through the general mechanism of the resymbolization of sensuality, which is associated with the rereading of the current space-time coordinates and the reformatting of the landscape of reality in which a person lives. The author understands archaic as a meta-phenomenon of consciousness and sensuality inherent in primitive and traditional societies and persisting in modern Western culture as irrational aspects. The paper indicates the functions ascribed to the sense of smell in traditional cultures and how olfaction classified society and the reality of life. In a traditional society, the need for a variety of natural olfaction is met culturally; however, in the modern European world, the sense of smell shifts to the periphery. The olfactory plots of several epistemes are traced from the Renaissance to the present day: the place of aromas in culture, the revolutions in the sphere of odours and the creation of olfactory canons. The author outlines the contemporary implications of historical changes in olfaction, including the reappearance of animal scents in perfumes, defined as opportunities for safe transgression. The concept of olfactory selectivity in modern culture, focused on individualization and adjustable settings of sensory parameters, is proposed.

Keywords: olfactory aesthetics, archaic sensuality, transformations of sensuality, smells, archaic, animalistic aromas, physicality, heterogeneous and homogeneous culture

For citation: Zagryadskaya AS. Transformation of the Olfactory Culture. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(1):168-178. (In Russ.) DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.12.

Введение

Анималистические ароматы – активно-природные, приземленные, с ярко выраженным органическим ядром – в современной парфюмерии переживают своеобразный ренессанс. На протяжении долгого времени запахи, связанные по происхождению с продуктами жизнедеятельности представителей фауны, считались вульгарными. По крайней мере, таким стало общеевропейское мнение начиная с XVIII столетия, когда пахучие вытяжки из звериных желёз уступили место душистым цветочным водам. Однако сегодня парфюмерный интерес к «животным» ароматам актуализируется – даже несмотря на то, что в современных западных духах натуральные мускусы и амбра из желудков кашалотов замещены синтетическими аналогами. К анималистическим нотам обращаются многие производители парфюма, в особенности нишевые, ориентированные на концептуальность и ольфакторный эксперимент. Канадский бренд Zoologist Perfumes полностью сконцентрирован на «диких» ароматах, а в посвященных герою Т. Харриса Ганнибалу Лектеру духах But Not Today марки Filippo Sorcinelli были использованы 47 компонентов для имитации запаха крови. Чем обусловлен подобный интерес к анималистической ароматизации после долгой эпохи забвения? Отталкиваясь от этого вопроса, попробуем перейти к более глобальным темам на стыке эстетики и философии культуры: природе ольфакторной чувственности и ее связи с архаическим, исторической судьбе обоняния в модерне и способах описания современной ольфакторной ситуации.

Ольфакторное в контексте культурных трансформаций

Долгое время окулоцентричная культура Запада связывала когнитивную сферу со зрением, тогда как химические чувства располагались внизу гносеологической иерархии. Задавшись вопросом, «какое органическое чувство – самое неблагодарное, без которого легче всего обойтись» [Кант 1999, с. 188], И. Кант называет обоняние. Как и вкус, оно признавалось немецким мыслителем более субъективным, чем объективным; его опыты неустойчивы и чаще вызывают неудовольствие, чем возбуждают удовольствие. Эти резоны повторяются у многих философов классической эпохи, и, невзирая на постоянную окруженность человека запахами, гуманитарная теория ольфакторного достаточно долго не разрабатывалась. Сегодня к теме все чаще обращаются междис-

циплинарные исследования культуры. В рамках эстетики «повороты» к невербальному содержанию опыта и внедискурсивных переживаний предполагают рефлексивную, ориентированную на соматику (сомаэстетика Р. Шустермана, «эстетика низших чувств» М. Диакону). Ольфакторная теория – часть этого проблемного поля наравне с густическими и хаптическими исследованиями.

Как отмечают К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт, запахи – не только биологическое явление, но и культурный феномен: «Запахи наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним. <...> Исследование истории запахов в культуре представляет собой не что иное, как проникновение в самую суть человеческой культуры» [Классен, Хоувз, Синнотт 2010, с. 48].

Очевидно, что трактовки одоральных феноменов и конкретные ароматические практики меняются в исторической перспективе. Одно из возможных объяснений того, почему чувственные феномены подвергаются трансформациям, – перекодировка фундаментальных категорий человеческого опыта, которые организуют воспринимаемые феномены: пространства и времени. Если пространственно-временные координаты – базовое условие для восприятия, то изменение их концептуализации влечет перемены в трактовке конкретных феноменов, в том числе чувственных опытов и эстетических переживаний. Таким образом, от эпохи к эпохе меняется символизация чувственного опыта – то, каким образом ощущение кодируется культурой.

«Ольфакторная образность», «ольфакторные сюжеты» разнятся в зависимости от системы координат. Так, в городской пространственно-временной матрице прочтение ольфакторного будет не таким, как в сельском хронотопе: «Большая навозная куча перед дверью крестьянского дома, как с горечью отмечали гигиенисты в XIX веке, говорила о богатстве хозяина, и он не желал переносить ее куда-нибудь в другое место» [Мюшембле 2020, с. 34]. «Распаковка» запаха как символа обильного удобрения и плодородия противопоставлена его прочтению в качестве источника миазмов и нездоровья.

Трансформациям подвержены не только значения чувственных феноменов, но и общий статус в конкретном онтическом модусе: одни ощущения переживают подъем, другие перестают быть существенными источниками информации. Неизбежное следствие изменений – переформатирование или даже угасание отдельных областей чувственности, которые вытесняются из культурного ландшафта.

Рассмотрение ольфакторного переживания как феномена, подверженного историко-культурным трансформациям, открывает возможность для исследования изменений символизации запаха в новоевропейской культуре и их последствий, а также позволяет предложить ответ на вопрос о причинах и формате возвращения «животных» нот в парфюмерию.

Архаическая чувственность и обоняние

Говоря об исторических изменениях обоняния, имеет смысл начать с его роли на глубинном, архаическом уровне, ведь запахи связаны с древнейшей областью человеческого мозга и, вероятно, являются одним из первых явлений, подвергнутых культурному возделыванию. Архаика здесь понимается нами как метафеномен сознания и чувственности, присущий первобытности и традиционным обществам и в виде элементов сохраняющийся внутри западной культуры. Именно взаимодействие с этими элементами в модерне определяет диалектику культурно приемлемого и исключаемого, официального и неофициального.

В историко-философском смысле «Архэ» суть начало и основание, досократическая первооснова и руководящий принцип бытия и познания. Архаическое общество – культурная «монада первично-человеческого» [Секацкий 2005, с. 82], плотью которой является социальное тело общины. Архаическое, таким образом, – не «архаичное»

(древнее, старое), а «изначальное», «вневременное». Также оно не равно досознательному животному-природному. Архаика – явление культуры, в которое посвящаются через инициатический акт; мифопоэтическое пространство, где происходит разметка реальности. «Дело не в том, чем первобытный человек обладал (несомненные чувства ориентировки, собственности, различия друга и врага и т. д.), а как он осмыслял свои ощущения и восприятия» [Фрейдберг 1998, с. 17].

В этом смысле архаическое сознание оказывается основанием всякой сознательной деятельности. Это первый способ стихийного освоения мира, его культурного осмысления и сохранения информации через чтение и создание «мнемонических знаков» [Лотман 2000, с. 336] космоса. Согласно Ю. М. Лотману, к таким примерам текстов дошли же бесписьменной культуры относятся урочища, курганы, сооружения, сакральные природные объекты, а также обряды, в которые они включены. Опорной точкой общественной памяти является, по всей видимости, и запах.

Архаическая чувственность предполагает мышление телом (в единстве со словом), движением, ритмом, конкретными ощущениями. Такому типу чувственного восприятия соответствует хронотоп архаического космоса – одухотворенное пространство взаимосвязей, в котором все вещи соединены, а человек сопричастен социальному телу и окружающему миру. Говоря об архаическом способе восприятия мира, обычно имеют в виду отсутствие бинарных оппозиций (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс). Вероятно, в рамках такого восприятия сознательное и чувственное едины, как едины тело и слово. Поэтому говоря об одном, мы с необходимостью подразумеваем другое. В древности летучим пахучим субстанциям сообщалась эссенциально-сущностная роль, понятие запаха не отделялась от обонятельного переживания. «Современной западной трактовке запахов предшествовала иная. Запахи понимались как врожденные “сущности”, индикаторы внутренней истины. Посредством обоняния человек взаимодействовал скорее с внутренней сутью, чем с поверхностной видимостью, – в отличие от зрения» [Классен, Хоувз, Синнотт 2010, с. 50].

Обонянию в традиционных обществах сообщаются разнообразные функции: оно позволяет получать информацию о других людях, ориентироваться в жизненной среде, обобщать и дистинктировать. К архаическим функциям обоняния относится разделение на своих и чужих, на мужское и женское, взрослое и детское, сакрально чистое и нечистое. Обоняние способствовало выстраиванию идентичности и социального статуса; снятию инаковости в практике гостеприимства; ориентации во времени и пространстве. Ароматические вещества использовались в ритуалах, для входа в экстатическое состояние и для лечения [Рубен 2010]. Разные типы традиционной культурной символизации запаха представляют собой коды, с помощью которых обоняние ранжирует общество, а то и всю реальность.

«Не существует двух форм мышления у человечества, одной пралогической, другой логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, – быть может, всегда – в одном и том же сознании» [Леви-Брюль 1981, с. 131]. И сегодня в нашем опыте существует запрос на полноту переживаний, удовлетворяемый в иррациональных областях культуры. К архаическим потребностям относятся праздность и праздник, экстаз, насилие, тесно-телесный контакт с естественным миром, природные запахи [Савчук 2020, с. 36]. В восприятие окружающей среды вовлечены одновременно все органы чувств, однако современная преимущественно визуально-аудиальная культура закрепляет господство зрения и слуха. Если традиционная культура восполняла потребность человека в чувственных переживаниях, в том числе обонятельных, с помощью повседневной жизни и ритуалов, то со временем эта практика прерывается или, как минимум, видоизменяется.

Концепции вытеснения запахов

Многие философы, историки, социологи отмечали, что в новоевропейской культуре обоняние постепенно смещается на периферию, а развитие цивилизации подавляет его как гносеологически значимый рецепторный канал.

Ольфакторные исследования стали развиваться во многом благодаря французской школе «Анналов». А. Корбен обратил внимание на то, что в Европе при Старом порядке обоняние было включено в социальные, медицинские, религиозные процессы [Corbin 1982]. Вводя концепт «визуальной отсталости», Л. Февр отметил, что в Средние века зрение представляло собой менее важный источник информации, чем в современности [Febvre 2003]. С точки зрения М. Маклюэна, всеохватность чувственного восприятия регрессировала сообразно развитию технологий, а с изобретением книгопечатания произошел перелом – «великий водораздел», создавший принципиальный гносеологический разрыв между людьми рукописной и печатной культур [Маклюэн 2020].

Концепция поступательного цивилизационного урезания «низших» чувств в правах соответствует идее Н. Элиаса о том, что «процесс цивилизации» всегда сопровождается увеличением межличностной дистанции, снижением аффективности, повышением «порога стыдливости» – возрастанием телесной приватности [Элиас 2001]. В работе Элиаса этот процесс окрашен в позитивные гуманистические тона, однако обозначается, что его результатом стало подавление телесных функций.

Автор одной из первых концепций запаха на территории гуманитарных наук, Г. Зиммель, указывал, что с развитием цивилизации способность к тонкому различению оттенков чувств падает, однако интенсивность различения по принципу удовольствия и неудовольствия растет, поэтому мы всё более остро реагируем на ольфакцию [Зиммель 2010]. Согласно немецкому социологу, информационная значимость запахов не так велика, как в первобытности, однако их подсознательный смысл сохраняется: например, обонятельные впечатления оказывают скрытое влияние на социальные симпатии и антипатии.

Отдельно имеет смысл упомянуть о концептуализации явлений, связанных с разрывом доминирующей сенсорной парадигмы и нарушением норм официальной культуры, вытесняющей, в числе прочего, неприятные запахи, а затем любые ольфакторные раздражители.

Ж. Батай, обращаясь к «внутреннему опыту» (феноменальное переживание предельных состояний мистического, насильственного, экстатического свойства), сформулировал *науку об ином* – гетерологию. Реальность культуры в рамках этой концепции делится на гомогенную, ориентированную на четкие иерархии и дефиниции, определенность, практическую пользу, и гетерогенную, предполагающую разомкнутость, бесцельную трату, порыв. «Структурой познания гомогенной реальности является структура науки, структура гетерогенной реальности обнаруживает себя в первобытной мистической мысли и сновидческих представлениях: она идентична структуре бессознательного», – пишет Батай (цит. по: [Хеймоне 1994, с. 204]). Внутренний опыт тесно связан с проблематикой телесности, объединяющей наслаждение и отторжение. Проявления тела, древнейшего предмета сакрализации, табуируются и служат точкой выхода в иное.

Выстраивая иерархии и устанавливая нормы, гомогенная культура чувств вытесняет феномены, которые не могут быть описаны ее языком. «По отношению к категории гомогенного категория гетерогенного включает в себя совокупность феноменов, ситуаций или людей, отброшенных обществом из-за того, что они нарушают равновесие его системы» [Хеймоне 1994, с. 204]. Изъятые архаические элементы чувственности дают о себе знать в практиках гетерогенных культур.

Так, альтернативные формы телесности и чувственности проявляются в карнаваль-ной, смеховой культуре с ее преодолением границ и запретов, инверсией социальных установлений. Устоявшимся в высокой культуре телесным иерархиям противопо-

ставляются описанное М. М. Бахтиным карнавально-гротескное тело [Бахтин 1990, с. 335–406], текучая топология, невыделенность человека из мира, нарушение сенсорной парадигмы. Не случайно, что шутки о дурных запахах – неизменная часть площадной комедии.

Исключая низовые феномены, официальные регламенты одновременно собственным наличием делают нарушение правил возможным. Игра отрицающих друг друга начал – часть диалектического развития. Их взаимная проблематичность обеспечивает трансгрессию, которая составляет суть комедии, намека, эротизма. Однако со временем в модерне все сильнее нарастает напряжение между телесной жизнью и требованиями приличий, которые вытесняют сомнительные и тревожные запахи, не вписывающиеся в официальный канон.

Исторические изменения ольфакторного в новоевропейской культуре

Переформатирование картины реальности в эпоху Ренессанса повлияло, в том числе, на смыслы запахов. В это время человек овладевает пространством в ходе географических открытий и торговых перемещений «утра торгового капитализма» [Ле Гофф 2002, с. 38]. Оглядываясь на древних, он встраивает себя в историческое линейное время, тогда как новое предсказуемое временение повседневной жизни, отличное от цикличного и одновременно переменчивого времени природной среды, задают часы, отбивающие время работы. Субъект, более не растворенный в действительности, но вычлененный из среды, все сильнее индивидуализируется, отграничиваясь от мира. Такому положению соответствуют иерархизация тела, усиление оппозиции внешнего и внутреннего в телесной топологии, усложнение костюма и складывание жесткого этикета, который заимствуется от аристократии буржуазией [Элиас 2001].

Горожанин раннего Нового времени постоянно существовал в наполненной активными запахами среде. Стремительно растут европейские города с их отходами, умножаются пахучие производства: кожевенные, мясные, текстильные. Обеспокоенность этим положением отражена в королевских эдиктах и предписаниях городских властей [Franklin 1890, p. 89–102]. Телесный гигиенический стандарт не предполагал частых купаний, которые, по мнению врачей, открывали путь для болезней, лишая кожу защитного барьера. В XVI веке тело плотно затянуто в слои ткани, кожа, за исключением лица, скрыта – нравственный и одновременно гигиенический стандарт. Дополнительным рубежом защиты «тела-бастиона», где человек держал осаду от внешнего мира, становится ольфакторный щит [Мюшембле 2020]. Активная парфюмерия охраняла от вредных испарений внешнего мира и одновременно маскировала собственные запахи, задавая телесное отграничение.

На фоне прокатившихся по Европе эпидемий чумы и влияния теории миазмов приходится защищать себя ароматами, которые были признанным средством от «черной смерти». Благовония продолжали играть архаическую апотропеическую роль, встроившись в христианскую символическую антитезу райского благоухания и адского смрада.

Таким образом, на излете эпохи Возрождения в моду входят интенсивные «дикие» ароматы (мускус, амбра и цивет) и нормой становится сильный, пряный запах духов. Своей силой тяжелые парфюмерные композиции из желез животных соревнуются с интенсивностью бытового зловония. Витальность животных нижних нот противопоставляется болезнетворным миазмам. Предполагают, что физиологичные запахи с аттрактивным посылом соответствовали маскулинным канонам воинской культуры позднего Ренессанса [Мюшембле 2020], которой были присущи полнота жизненных сил, верность принципу “*memento mori*”, а также конкретность в именовании «материально-телесного низа» (М. М. Бахтин).

Вторая ольфакторная революция состоялась в эпоху Просвещения. В это время европейцы уже вполне обжились в мире, где «белых пятен» на картах все меньше, учет времени ведет машинерия, и сам мир мыслится как механизм. Человек приобретает все

большой технологический контроль над природой и совершенствует ее эстетическое обрамление. Культура переоткрывает природную среду через идиллию и образ «естественного состояния» (Ж.-Ж. Руссо), зачастую лишая ее тревожных аспектов, которые успешно осваивались архаической чувственностью.

Больше нет сильных вспышек чумы, голод случается реже, светские интересы смещаются в сторону барочных салонных радостей – во всяком случае, такова ситуация во Франции, которая задает парфюмерную моду. Подчеркнуто brutальная культура с акцентированными архаическими элементами уступает место эстетике нежности и изящества. В XVIII веке ванны и мыло становятся популярнее, необходимость в маскировке телесных запахов снижается. Новый идеал светской телесной нормы – чистота и благоухание. С этого времени ведет отсчет практика дезодорирования социального тела, предполагающая, что естественные запахи не заглушаются, а по возможности искореняются.

В век Просвещения наблюдается отход от сильных ароматов животного происхождения, которые теперь используются разве что в качестве базовых нот, маскируемых нежными верхними. Анималистические ароматы уступают место цветочным эссенциям, настоям фруктов и специй, ароматным уксусам. Весь этот арсенал «доброй природы» соответствует буколическому образу щедрой и прекрасной Флоры, которая дарит своим детям цветы и фрукты. «Золотой век парфюмерии» разворачивается вместе с духом технического прогресса и инструментальности по отношению к природным корпускулам. Усложняются рецепты, появляются сложные водные и спиртовые настои, масла, мацераты, а профессия парфюмера вплотную приближается к искусству. Запахи теперь транслируют романтический идеал, а не защищают от гибели [Мюшембле 2020].

Интересно, что с того же времени берет начало массовый процесс инкапсулирования смерти и разложения в особых гетеротопиях: кладбища постепенно выносятся из населенных пунктов, умалишенных отправляют в скрытые от глаз публики места, практики оформления похорон все больше делегируются специализированным учреждениям [Фуко 2006]. Напряжению между гетерогенным и гомогенным соответствует напряжение между утопиями и гетеротопиями. Образ смерти в классической эпистеме становится морально-аллегорическим, как барочные натюрморты «ванитас», на которых бренность существования символизируют цветы, мыльные пузыри и интерьерные черепа, тогда как плотская реальность разложения, включая ольфакторную сторону, камуфлируется.

В XIX веке, по мере того как человек овладевает временем и пространством, те все больше стандартизируются посредством регламента и благоустройства. По мысли Г. Зиммеля, жизнь мегаполисов предполагает новый тип индивидуальности, ориентированный на быструю смену впечатлений, рассудочность, обезличенность городских экономических отношений [Зиммель 2018]. Потребность в дистанции и сокрытии телесной жизни сказывается на ольфакторных политиках больших городов модерна.

Индустриальная эпоха усилила методы борьбы со зловонием городов и эпидемической угрозой (реформа лондонской канализации, благоустройство в ходе османизации Парижа). Изменения в телесных канонах во многом произошли благодаря дендизму, упразднившему вычурную эстетику костюма XVIII столетия. Значимой составляющей стиля стала гигиена: обязательные ванны, уход за кожей, волосами, ногтями. Принцип дендистской «заметной незаметности» отменил сильные анималистические запахи так же, как напудренные парики [Вайнштейн 2005]. Из элитарной моды визуальная и ольфакторная сдержанность вскоре стала всеобщим канонem. Акценты «заботы о себе» во многом смещаются на уход – так происходит, например, с «Кельнской водой» (одеколоном), которая из парфюмерного средства перекочевала в гигиенические.

«Землистые» и «животные» ароматы, отсылающие к непосредственно-телесной жизни, попадают в область вульгарного. Выступая как способ социального ранжирования, обоняние позволяет набирающему вес среднему классу отделять себя от старо-

режимной аристократии и городской бедноты. Приобретая другие значения, запах все еще способствует выстраиванию социальной идентичности, разграничению чистоты и нечистоты (как физической, так и моральной).

В то же время роль ароматов существенно сужается. Как отмечает Л. Шинер, два последних столетия ограничили и дискредитировали медицинское использование ароматических веществ [Shiner 2020]. Масштабные санитарные кампании по борьбе с запахами избавили города от зловония, однако теперь благовония подлежат в основном религиозному, а парфюмерия – преимущественно эстетическому использованию. Этот исторический поворот усугубил склонность интеллектуальной культуры модерна игнорировать запахи.

Тотальная дезодорация или ольфакторная выборочность?

Как было показано, идею о культурном угасании обоняния и девальвации одорального аспекта поддерживали многие исследователи. По утверждению социолога З. Баумана, современность ведет «тотальную войну против запахов» (цит. по: [Jenner 2011, p. 337]). Формулировка «проекта тотальной дезодорации», который начался с европейского Просвещения, берет начало от А. Корбена, утверждавшего, что западная культура основана на принципе нетерпимости к пахучим веществам [Corbin 1982].

Санитарные реформы и гигиенически-социальные установления снижают терпимость к зловонию, и со временем всякий сильный аромат начинает кодифицироваться как нежелательный. Возникает неизвестное прежним эпохам явление – изъятие запахов из культуры. Этот принцип ольфакторной пустоты общих пространств остается влиятельным и сегодня. Культурная онтика определенно изменилась в сторону снижения толерантности к одоральным раздражителям. Однако действительно ли речь идет о полном устранении запахов? Ведь кроме дезодорации существует обширная практика ароматизации тел, помещений, продуктов.

Здесь имеет смысл отметить технические изменения в парфюмерной индустрии: с конца XIX века в парфюмерии появляются синтетические компоненты, которые со временем начинают вытеснять натуральные. В наши дни синтез новых соединений позволяет достичь огромного ароматического разнообразия. Однако, в отличие от традиционной парфюмерии (например, восточные масляные духи), созданные через химический синтез ароматы не предполагают непосредственного взаимодействия с молекулами изначального вещества – осуществленной через химическое чувство связи реципиента с объектами природного мира.

М. Климентьев обращает внимание на то, что практически все новые ароматические молекулы в мире создаются силами всего шести корпораций, будь то дорогие духи или мыло в ресторане быстрого питания [Климентьев 2013]. Целая область чувственности отдается западным человеком под контроль транснациональных компаний, задающих параметры ольфакторного познания через аромадизайн всех сфер жизни.

«Современная культура более заботится не о расширении спектра естественных запахов, а о дезодорации – борьбе с ними, что ведет к большей стерилизации среды, а следовательно – к ослаблению инстинкта выживания», – отмечает В. В. Савчук [Савчук 2020, с. 38], формулируя концепцию одородефицита – недостатка разнообразных естественных запахов, которые заменяются искусственными.

Р. Мюшембле полагает, что вопреки дарвинистским теориям об эволюционном ухудшении обоняния бинарный ольфактивный код (базовая система чувственного наблюдения – удовольствие или неудовольствие, жизнь и смерть) остается актуальным. «Наша эра не является эрой тотальной дезодорации. Подобная интерпретация лишь маскирует внушительные изменения в понятиях о страдании и смерти, отныне скрытых от глаз и носов» [Мюшембле 2020, с. 12]. Исключаются запахи, напоминающие о разложении и смерти, а также обо всем материально-телесном, активно витальном и потому конечном.

Таким образом, концепции полной дезодорации современной культуры противостоит идея, которую можно назвать ольфакторной выборочностью или ольфакторной избирательностью. Возможность выбора полностью опирается на синтетические компоненты и искусственное моделирование одоральной среды. Ароматы продолжают присутствовать в культуре, но только регламентированные и ограниченные пространством, в котором им позволено существовать. Стало быть, говорить о закате обоняния пока рано (напротив, цивилизация вошла в фазу «реодорации» [Shiner 2020]), однако переменам подвержены его роль в культурных практиках и эмпирическое приложение.

Ренессанс анималистических ароматов

Отчего на фоне описанной ольфакторной рафинированности возрастает интерес к «животным» нотам в духах (мускусы, молоко, кожа, зола, земля, кровь)? Очевидный ответ состоит в восполнении нехватки, однако можно предложить менее лобовую интерпретацию, ведь анималистические ароматы возвращаются не в прежнем виде и статусе.

Как и в случае с предыдущими эпохами, перекодировка запаха связана с новыми пространственно-временными координатами, с изменением ландшафта реальности и способа, которым она являет себя субъекту. Человек технологически-дигитальной среды привык управлять временем и пространством, а значит, регулировать чувственность. Более нет декларативной картины сущего, возможна вариативность хронотопа, пусть даже в режиме симуляции – с помощью виртуализации или синтетических молекул.

Устраняя из культуры отталкивающие и тревожные запахи, напоминающие о «пути всякой плоти», приятные мы оставляем, устанавливая власть над ними. В среде мегаполисов запахи назначаются волюнтаристски: автоматические освежители воздуха, аромадизайн жилищ, одоральное брендирование магазинов, интерьерная ароматизация кофеен и ресторанов. Современное ольфакторное, как другие сферы чувств, допускает тонкие настройки желаемого: в одном пространстве создается иллюзия «фруктового сада», в другом – «морского бриза». Первоначальное единство вещей и их свойств распадается. Дифференцирование насыщенных летучими ароматическими веществами атмосфер разделяет индивидов на чувственном уровне, позволяя формировать атомизированные лакуны разной ольфакторной окраски.

Эстетическое восприятие, однако, способно к сложным опытам, предполагающим взгляд (нюх), возвышенный посредством травматического. Еще Э. Берк заметил, что «если боль носит такой характер, что воздействует на зрение или слух, поскольку они являются самыми чувствительными органами, ее воздействие более всего приближается к такому, которое имеет умозрительную причину»; в этом случае, когда негативные переживания «смягчены до такой степени, что фактически не причиняют вреда <...> они способны вызывать восторг» [Берк 1979, с. 159]. Связывая умозрительное со зрением и слухом, Берк не рассматривает «низшие чувства», однако крайне эмоциональная сфера обоняния также может быть восприимчивой к смягченной опасности.

Если табуированные в последние три столетия активные «животные» ароматы в самом деле связаны с экзистенциальным страхом и символом амбивалентной телесности, если они возвращают к инаковости архаического прошлого, то производство и выбор такой парфюмерии представляют собой контролируемую трансгрессию. Близки к ним танатально-брутальные ориентации в потребительской культуре и индустрии развлечений – форма досуга, который можно дозировать. Интерес к «природным» нотам в духах удовлетворяет потребность в безопасной терапевтической дозе «дикости». Возвращение анималистической тематики, безусловно, является результатом редуцирования естественных запахов во всем их многообразии. Однако наиболее парадоксальные формы ольфакторной выборочности заходят для фасцинирования реципиента на за-

ведомо тревожные территории: «страх является упражнением для более тонких частей системы» [Берк 1979, с. 159].

У такого упражнения, впрочем, есть определенные границы. Первая версия духов марки Zoologist Perfumes показалась потребителям слишком резкой и грубой [Мюшембле 2020, с. 275]. Тогда авторы отказались от реконструкции оригинальных анималистических духов и добавили свежие верхние ноты, адаптировав ароматы XVI–XVII веков к современному ольфакторному стандарту.

Заключение

Ольфакторное переживание – феномен, подверженный ресимволизации на разных витках истории. Ландшафт реальности меняется от эпохи к эпохе, и способ трансформаций чувственного восприятия прокладывает путь к пониманию этих перемен. В этой связи задача философско-эстетических ольфакторных штудий – исследовать сюжеты, связанные с местом запаха в структуре опыта культуры.

Как было показано, сомнительная репутация низовых нот анималистических ароматов связана с тем, что они указывают на подчиненность закону природы. В то же время подобное напоминание способствует отстраиванию от природного мира, не осознающего своей конечности, ведь бытие-к-смерти – один из главных экзистенциалов (М. Хайдеггер). Таким образом, способность включать в культурную практику нефилтрованные запахи имеет отношение к бытийному строю существования и полноте сугубо человеческого экзистирования.

Обоняние – важная составляющая архаической чувственности, которая предполагает вовлеченность субъекта в естественный мир и целостность чувственного познания. Потребность в естественных запахах не исчезает, но специфически канализируется и преломляется в форме синтетических симуляций. Сегодняшняя ситуация вокруг ольфакторного состоит в том, что обоняние как будто реабилитируется, однако в ограниченных пределах и с нюансами, которые мы постарались очертить.

Список источников

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
- Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Е. С. Лагутина ; общ. ред., вступит. ст. и коммент. Б. В. Мееровского. М. : Искусство, 1979. 237 с.
- Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 640 с.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. К. Левинсона. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.
- Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» // Ароматы и запахи в культуре : сб. ст. : в 2 т. Т. 1 / пер. О. Литвиновой, Е. Маруниной, М. Неклюдовой и др. ; сост., предисл. О. Б. Вайнштейн. 2-е изд., испр. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 19–36.
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999. 471 с.
- Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре : сб. ст. : в 2 т. Т. 1 / пер. О. Литвиновой, Е. Маруниной, М. Неклюдовой и др. ; сост., предисл. О. Б. Вайнштейн. 2-е изд., испр. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 43–51.
- Климентьев М. Специи для ума: истоки современной западной парфюмерии // Теория моды. 2013. № 26. С. 292–318.
- Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с фр. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2002. 328 с.

- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 130–140.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М. : Академический проект, 2020. 443 с.
- Мюшембле Р. Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века / пер. с фр. О. П. Панайотти. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 312 с.
- Рубен А. Л. Запаховые сигналы и пространство праздника в Евразии // Ароматы и запахи в культуре : сб. ст. : в 2 т. Т. 1 / пер. О. Литвиновой, Е. Маруниной, М. Неклюдовой и др. ; сост., предисл. О. Б. Вайнштейн. 2-е изд., испр. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 170–184.
- Савчук В. В. Кровь и культура. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб. : Академия исследования культуры, 2020. 288 с.
- Секацкий А. К. Сила взрывной волны : статьи, эссе. СПб. : Лимбус Пресс, 2005. 400 с.
- Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М. : «Вост. лит.» РАН, 1998. 800 с.
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью : в 3 ч. / пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
- Хеймоне Ж.-М. Хабермас и Батай // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века : сборник / сост., авт. пер. и коммент. С. Л. Фокин. СПб. : Мифрил, 1994. 346 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001.
- Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe-XIXe siècles. Paris : Aubier, 1982. 334 p.
- Febvre L. Le Problème de l'Incroyance au XVIe siècle: La Religion de Rabelais. Paris : Albin Michel, 2003. 579 p.
- Franklin A. La Vie privée d'autrefois. Paris : Plon, 1890. 265 p.
- Jenner M. Follow Your Nose? Smell, Smelling, and Their Histories // The American Historical Review. 2011. April. Vol. 116, Issue 2. P. 335–351. DOI 10.1086/ahr.116.2.335.
- Shiner L. Art Scents: Exploring the Aesthetics of Smell and the Olfactory Arts. Oxford : Oxford University Press, 2020. 376 p.

Информация об авторе

Алиса Сергеевна Загрядская, соискатель кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Alisa S. Zagryadskaya, PhD student at the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

*Статья поступила в редакцию | the article was submitted 14.01.2024;
одобрена после рецензирования | approved after reviewing 30.01.2024;
принята к публикации | accepted for publication 05.02.2024.*